

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

— ♦ философская фантастика об истории человечества ♦ —

— ♦ Дарья Чиж ♦ —

Дарья Чиж

Замкнутый круг

<https://litres.ru/73850018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если прогресс не прямая линия вверх, а круг, и человечество уже проходило этот путь?

«Замкнутый круг» — мысленный эксперимент в форме мифа. Автор берёт вопросы, на которые наука пока не нашла ответов: откуда взялся скачок в мышлении, как возникла речь, почему наше тело так плохо приспособлено к собственной походке. Из них складывается другая версия происхождения человека. Однажды на Землю упал корабль. Те, кто выжил, потеряли память и заново учились говорить, добывать огонь и жить вместе. Потом их потомки истощили планету, построили корабли и улетели, а вернувшись спустя тысячелетия, разбились снова, не узнав дома.

Эта книга не претендует на научность и не требует веры. Она предлагает оптику: взглянуть на историю как на повторяющийся узор и спросить себя, где на круге находимся мы. А главное, ответить на вопрос, который однажды задал автору случайный собеседник: «Зачем что-то делать, если всё равно повторится?»

Содержание

Предисловие	4
Пролог	7
ЧАСТЬ I. ДО НАС	10
Глава 1. Дыхание планеты	10
Глава 2. Восхождение жизни	18
Глава 3. Падение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дарья Чиж

Замкнутый круг

Предисловие

«Всё новое — это хорошо забытое старое».

- народная мудрость.

Пятнадцать лет назад мне пришла в голову мысль, и я долго не решалась её записать. В голове она казалась слишком очевидной, на бумаге слишком дерзкой.

Вот она. То, что мы зовём прогрессом, может быть не прямой линией вверх, а кругом. И если так, у человечества уже был весь этот опыт, просто оно о нём не помнит.

Мы привыкли считать себя видом, вырвавшимся из природного цикла. Растения, животные, времена года проходят один и тот же путь: рождение, рост, упадок, смерть. А мы будто изобрели историю, прогресс и будущее, которое непременно лучше прошлого. Эта книга спрашивает: а что, если мы внутри того же круга? Просто он так велик, что с высоты одной человеческой жизни его не разглядеть.

Сразу оговорюсь: это не научный труд, и данных, опровергающих официальную версию происхождения человека, у меня нет. Считайте книгу мысленным экспериментом. Что, если собрать несколько вопросов, на которые до сих пор нет

хороших ответов, и посмотреть, какая картина сложится?

За эти годы я не раз пыталась свою мысль опровергнуть: это самый честный способ проверить идею. Каждый раз находился ещё один вопрос, на который у науки нет ответа, и мысль возвращалась чуть крепче прежней. Я откладывала рукопись на месяцы и годы, находила занятия поспокойнее и безопаснее для репутации. Но мысль ждала.

Откуда уверенность браться за такую тему, не будучи ни астрофизиком, ни антропологом? Ответ не слишком лестен: стороннему наблюдателю нечего защищать в своей дисциплине. Он может соединять геологию с антропологией, эволюционную биологию с мифологией, не оглядываясь на цеховые границы. Цена этой свободы в риске ошибиться там, где специалист не ошибся бы. Я готова его принять: вопрос важнее моей репутации.

Почему же миф, а не гипотеза в виде сухой статьи? Не из неуважения к науке. Она сильна там, где опыт можно поставить и повторить в разных лабораториях. Происхождение целого вида, случившееся однажды десятки тысяч лет назад, эксперименту не поддаётся: его можно лишь реконструировать по обрывкам улики, а где улики не хватает, наука честно замолкает. Миф начинается там, где она замолкает, не потому что умнее, а потому что не обязан молчать. Он может ошибаться. Но может и напомнить о вопросе, который слишком легко отбросить лишь оттого, что строгого ответа на него пока нет.

Однажды я пересказала эту идею человеку, далёкому от науки. Я хотела не убедить его, а проверить, выдержит ли мысль простые слова. Он возразил: «Выходит, развиваться незачем? Можно сидеть в пещерах, раз всё равно всё повторится». Это возражение оказалось весомее любого научного довода. Оно стало вторым, скрытым сюжетом книги, и я обещаю дойти до ответа вместе с вами к последней странице.

У круга нет привилегированной точки начала: рассказ можно повести из любого места на его линии. Я выбрала свою. Дальше мы пройдем круг вместе.

Пролог

Начнём с простого факта. Наша планета — сфера, вращающаяся в пустоте. У неё нет ни верха, ни низа, ни особого места, откуда положено вести рассказ.

Есть общепринятая версия того, как всё началось: облако газа и пыли, гравитация, миллиарды лет, и однажды на одной из бесчисленных планет случайно сложились условия для жизни. Эта версия хороша тем, что подтверждена данными. Но она оставляет без ответа вопрос, который рано или поздно задаёт себе каждый вид с достаточно развитым мозгом: а что было до того, как мы начали считать?

Дальше в книге появится другая версия событий, не взамен научной, а рядом с ней. Ещё одна попытка ответить на вопрос, у которого пока нет хорошего ответа. Её сюжет стар, как первый костёр: падение, забвение, повторение. Вид, о котором пойдёт речь, пройдёт этот путь не один раз.

Звучит дерзко: отвечать на вопрос о происхождении человека в одной небольшой книге. Ему посвящены целые науки, десятки тысяч исследований, карьеры длиной в жизнь. Эта книга с ними не соперничает и не пытается их заменить. Она занимается другим: промежутком между добытыми фактами, который наука при всей строгости пока не может заполнить и который не даёт покоя каждому, кто всерьёз задумывался, откуда мы взялись.

Сразу обозначу границы. Книга не утверждает, что общепринятая история неверна, только что она неполна, а неполнота выглядит как пустое место, в которое хочется что-то вставить. Учёный, встретив такое место, честно пишет «неизвестно» и идёт дальше. Миф так не умеет: он берёт немного, что известно точно, и достраивает целую картину. Не потому, что она обязательно верна, а потому, что человек не может жить с пустотой там, где должен стоять ответ на вопрос «откуда я».

Почему так важно, спираль перед нами или замкнутый круг в строгом смысле? На первый взгляд разница лишь терминологическая. Но замкнутый круг не оставляет надежды: каждая его точка уже была пройдена бесчисленное число раз и будет пройдена снова, без малейших изменений. Спираль сохраняет форму повторения, тот же узор, тот же сюжет, но допускает, что каждый проход через знакомую точку чуть отличается от прошлого: сохранено чуть больше знания, повторено чуть меньше ошибок, продвинулись чуть дальше, прежде чем сорваться в новое падение. Название «Замкнутый круг» мрачнее того, что автор в действительности предлагает думать о нашей судьбе, и потому работает: оно называет страх, а не вывод, к которому книга придёт в конце.

Договоримся об одном допущении. Представьте время не стрелой, а спиралью. Стрела летит из точки А в точку Б и не возвращается. Спираль возвращается в ту же точку снова и снова, но каждый раз на новом витке, чуть выше или чуть

ниже прежнего. Разница между кругом и спиралью невелика. Но именно в ней заключён ответ на вопрос, есть ли смысл читать историю без начала и без конца.

ЧАСТЬ I. ДО НАС

Глава 1. Дыхание планеты

Четыре с половиной миллиарда лет назад у нашей планеты не было ни имени, ни свидетелей. Была раскалённая масса, вращающаяся вокруг звезды, и ничего больше. Не было ни утра, ни вечера. Некому было их считать.

Четыре с половиной миллиарда лет — число, которое легко произнести и невозможно прочувствовать. Наш мозг умеет оценивать интервалы от секунды до нескольких десятилетий, ровно тот диапазон, в который помещается одна человеческая жизнь. Всё, что за ним, превращается в абстракцию, в цифру без внутреннего веса. Умом мы понимаем, что число большое, но ничего не чувствуем. Это не недостаток характера, а особенность устройства вида, к которой мы ещё не раз вернёмся.

Даже звезда, вокруг которой вращалась планета, не была первой в своём роде. Первые мгновения мира дали только самые лёгкие элементы: водород и немного гелия. Железо, кислород, углерод, кальций выковали недра звёзд предыдущих поколений, а в момент гибели те разбросали их по округе облаками пыли и газа. Из обломков таких взрывов собралось наше Солнце и вся его семья планет. Каждый атом желе-

за в крови будущих обитателей планеты, каждый атом кальция в их костях когда-то был частью звезды, которой пришлось умереть, чтобы он появился. Круг этой книги начинается не с планеты и даже не с Солнца, а с гибели других звёзд, в невообразимой глубине времени.

Можно уйти и дальше. Сама Вселенная, согласно преобладающей картине, существовала не всегда: было расширение из состояния невероятной плотности и температуры. Первые доли секунды решили всё: крошечная асимметрия вещества и антивещества позволила веществу уцелеть, а скорость расширения определила, соберётся ли оно в звёзды и галактики. Почему вообще было расширение, а не вечное статичное ничто? Этот вопрос выходит за рамки книги, но стоит его обозначить: наш круг вложен в гораздо больший и куда менее понятный круг, охватывающий судьбу всей Вселенной.

Первые несколько сотен миллионов лет — самая скучная часть любой планетарной биографии. Это остывание. Расплавленная порода густеет и разделяется на слои: тяжёлое опускается к центру, лёгкое поднимается к поверхности. Планета в буквальном смысле сортирует сама себя. Итог мы называем ядром, мантией и корой, будто речь о слоёном пироге, а не о процессе, который длился дольше, чем вся история жизни на Земле.

Потом началась тяжёлая бомбардировка. Несколько сотен миллионов лет планета оставалась мишенью для обломков,

астероидов и зародышей несостоявшихся планет. Один кратер накладывался на другой быстрее, чем предыдущий успевал остыть. Отчасти виноваты были гиганты далеко от Земли: по современным представлениям, их орбиты смещались, и это вызывало бури астероидов и комет, обрушивавшихся на внутренние планеты. (Роль гигантов как щита, ловящего чужие удары, остаётся предметом споров.) Но эти удары, как ни странно, могли быть не помехой, а условием: считается, что часть воды и сложных химических соединений попала на Землю именно с обломками. Планета собирала строительный материал для будущего из того, что её обстреливало.

Остывание шло неравномерно. Где кора была тоньше, поля вулканов извергались тысячами одновременно, где толще, поверхность была относительно спокойной. Уже тогда планета была неоднородной, и это окажется решающим: жизнь закрепится не равномерно по всей поверхности, а в тех уголках, где условия подойдут лучше.

Есть в этой истории ещё одна важная деталь. Луна, которая сегодня кажется обычной частью пейзажа, появилась не просто так. По одной из главных гипотез, она осколок столкновения молодой Земли с телом размером примерно с Марс. Без этого удара ось Земли, скорее всего, кувыркалась бы непредсказуемо, как ось Урана, и не было бы устойчивых времён года и климата. Планета получила спутник-стабилизатор в результате одной из самых разрушительных катастроф в своей истории. Это первый намёк на узор, который

повторится в книге не раз: то, что в моменте выглядит катастрофой, на длинной дистанции часто оказывается условием всего, что случится дальше.

Потом появилась вода. Никто до конца не знает, откуда её взялось так много: то ли принесли кометы, то ли она была здесь с самого начала, спрятанная в породе, и вышла на поверхность с вулканическими газами. Для нашей истории неважно, каким путём. Важно другое: она осталась. Не испарилась и не замёрзла навечно, а задержалась на поверхности ровно настолько, чтобы получился океан.

Здесь стоит задать вопрос, который редко задают в учебниках: почему вода осталась? Планета находится на строго определённом расстоянии от звезды. Чуть ближе — и океаны выкипели бы, как на Венере, которая, возможно, начинала с условий, не слишком отличных от земных, но попала в необратимый парниковый эффект. Чуть дальше — и они замёрзли бы, как на Марсе, который слишком мал, чтобы долго удерживать тепло недр. Официальная версия называет это удачным совпадением и переходит к следующей теме. Эта книга не спешит.

Потому что если смотреть на Землю как на систему, которая должна была прийти к определённому результату, вся её ранняя история выглядит подозрительно целенаправленной. Остывание ровно до нужной температуры. Вода ровно в нужном количестве. Атмосфера ровно той плотности, чтобы удерживать тепло, но не поджарить всё живое.

К этому добавляется невидимый щит. В центре Земли вращается раскалённое железное ядро, и это вращение порождает магнитное поле, окружающее планету далеко за пределами атмосферы. Без него солнечный ветер сорвал бы воздух с поверхности, как сорвал его с Марса, чьё ядро давно остыло. Марс мог быть не менее перспективным кандидатом на жизнь, и разница между двумя судьбами, возможно, свелась к размеру: Земля оказалась достаточно большой, чтобы её ядро оставалось горячим миллиарды лет, ровно столько, сколько нужно, чтобы под защитой щита жизнь успела зародиться и закрепиться.

Первый океан не был одним ровным телом воды. Это было множество разрозненных морей и озёр, разделённых полосами суши и застывшей лавы, у каждого своя температура, свои соли, свой набор минералов. Из вулканических островов, поднимавшихся то тут, то там, получились первые устойчивые участки суши, маленькие изолированные миры. Возможно, именно эта изоляция, повторённая на множестве островов одновременно, дала жизни сразу несколько независимых стартовых точек. Наука до сих пор спорит, где родилась первая клетка: в мелких прибрежных лужах, то высыхающих, то заполняющихся, или в глубоких трещинах океанского дна, где горячая вода выходит из недр. Возможно, ответ «и там, и там», а сохранилась лишь та линия, что оказалась удачливее или устойчивее прочих.

Луна добавила ещё один слой, приливы. Дважды в сутки

океаны поднимаются и опускаются, и приливные зоны, попеременно оказывающиеся то под водой, то на воздухе, становятся одним из самых богатых на реакции уголков планеты. Там вода, воздух, минералы и солнечный свет встречаются снова и снова, миллионы раз за миллионы лет, а именно повторение, доведённое до таких масштабов, даёт редким химическим реакциям шанс случиться хотя бы однажды.

Атмосфера тоже не досталась планете готовой. Первый воздух, если его можно так назвать, состоял из газов, ядовитых для всего, что появится позже: метана, аммиака, сероводорода, без единого атома свободного кислорода. Воздух, которым дышим мы, — куда более позднее изобретение, и не планеты, а самой жизни. Об этом книга расскажет отдельно, потому что производство кислорода обернулось для древней жизни катастрофой.

Различия климата возникли тоже задолго до жизни. Планета, наклонённая к орбите под устойчивым, благодаря Луне, углом, получала неодинаковое тепло: экватор прогревался сильнее и ровнее, полюса меньше и с резкими перепадами между сезонами. Эта разница приводила в движение воздух и воду, и так родились первые ветра и океанские течения, задолго до того, как появился организм, способный почувствовать разницу между жарой и холодом.

Вулканическая и тектоническая активность, принёсшая столько разрушений, в долгосрочной перспективе оказалась союзником. Планета без внутреннего тепла быстро превра-

щается в геологически мёртвый мир вроде Марса: без обновления коры, без вулканов, пополняющих атмосферу, без круговорота веществ между поверхностью и недрами. Кора Земли с самого начала раскололась на плиты, которые медленно движутся по пластичной мантии. Где плиты расходятся, рождается новое дно, где сталкиваются, поднимаются горы и целые массивы суши. Процесс не прекращается и сегодня, за одну человеческую жизнь континенты сдвигаются на длину ногтя. За миллиарды лет они не раз собирались в единый суперконтинент и снова раскалывались, чтобы через сотни миллионов лет столкнуться в другом месте. Это тот же узор: собирание и распад, снова и снова, только написанный не в судьбах видов, а в камне под ногами. Материк, на котором появится наш вид, лишь текущая конфигурация этого танца, а не окончательная данность, какой она кажется тому, кто живёт на ней считанные десятилетия.

Почему жизнь здесь построена на углероде? Он редкая способность образовывать устойчивые и разнообразные соединения с собой и другими элементами, длинные цепочки и сложные структуры, на которых держится вся химия живого, от простейшей аминокислоты до ДНК. Никакой другой распространённый элемент не обладает такой универсальностью при температурах, преобладающих на подходящих для жизни планетах. А сам углерод, как мы уже знаем, выкован в недрах погибших звёзд. Звёздам пришлось прожить свой век и взорваться, а затем элемент должен был войти в со-

став планеты в достаточной концентрации. Каждое звено цепи выглядит непритязательно, но вместе они складываются в историю удивительно последовательной подготовки, хотя ни одно звено не было спланировано никем.

И наконец, память планеты о собственном прошлом. Слои осадочных пород, откладывавшиеся на дне древних морей век за веком, фиксируют, как страницы книги, условия своего времени: состав воды, температуру, присутствие жизни. Геологи читают их так же, как годовые кольца дерева, снизу вверх, от древнего к недавнему. Именно эта каменная летопись позволяет говорить о пяти массовых вымираниях, смене климатических эпох и составе атмосферы. В этом есть ирония: планета, которая в нашей книге вечно повторяет один и тот же узор, сама оказывается добросовестнейшим архивариусом своей истории, фиксирующим каждый новый виток задолго до появления первого существа, способного этот архив прочесть.

Три миллиарда лет тихой, никем не замеченной подготовки. И только потом на сцену выходит первый герой этой книги, у которого пока даже нет клеточной мембраны.

Планета дышала медленно, вулканически, без адресата. И этим дыханием готовила себя к тому, что могло бы никогда не наступить. У большинства планет во Вселенной, насколько нам известно, не наступает.

У этой — наступило.

Глава 2. Восхождение жизни

Первая клетка не оставила ни имени, ни портрета, ни точной даты рождения, только косвенные улики в древних породах. Наука научилась читать их, как детектив читает место преступления спустя миллиарды лет после смерти всех свидетелей. Но одно мы знаем точно: с этого момента у планеты появилась память. Не в переносном смысле, а в буквальном. ДНК и есть память, записанная химическим языком и передаваемая из поколения в поколение с завидным упрямством.

Историю жизни любят рассказывать как марш прогресса: от простого к сложному, от слизи до симфонии. Это удобная история, но правда лишь наполовину. На каждый вид, который усложнился, приходится тысячи тех, что благополучно остались на месте. Простейшие организмы прекрасно себя чувствуют и сегодня: их общая масса превышает массу всех животных вместе взятых. Прогресс — лишь один из сюжетов, которые эволюция пробует одновременно.

Одним из первых изобретений жизни стало сотрудничество. Митохондрии, вырабатывающие энергию в наших клетках, когда-то были самостоятельными организмами, которых более крупная клетка не переварила, а сохранила как постоянного партнёра. Сама клеточная основа сложной жизни — застывший результат древнейшего союза. Потом пришли колонии кораллов, стаи, муравейники, где отдельная

особь вне целого не выживет. Наш вид не изобрёл сотрудничество, а лишь довёл его до невиданного масштаба: идея держаться вместе была записана в правилах игры задолго до него.

Другим переломом стало половое размножение. Долгое время жизнь копировала себя делением, и единственным источником новизны были случайные ошибки. Смешивая материал двух организмов, пол каждый раз создаёт непредсказуемые комбинации. Организм отказался от гарантированного повторения себя ради риска, и ставка сыграла: разнообразие стало расти гораздо быстрее.

Были и испытания. По некоторым научным версиям, лёд однажды сковал планету от полюса до полюса, и эта «Земля-снежок» длилась миллионы лет. Жизнь переживала её в редких очагах: у подлёдных вулканических источников и в тонких прослойках воды под ледяной коркой. Выход был не менее драматичен: вулканы всё это время копили углекислый газ, океан не мог его поглощать, и в какой-то момент парниковый эффект растопил лёд стремительно, по геологическим меркам почти взрывом.

Примерно через сто с лишним миллионов лет началось то, что биологи сами называют кембрийским взрывом, хотя растянулся он на десятки миллионов лет. Жизнь, миллиарды лет остававшаяся простой и мягкотелой, обзавелась панцирями, глазами, челюстями, конечностями. Причины обсуждают до сих пор: больше кислорода, другая химия воды, пер-

вые хищники, заставившие остальных защищаться. Скорее всего, сработало всё сразу. Для нас важен сам факт: эволюция не всегда движется ровным шагом. Она подолгу топчется на месте, а потом выдаёт невероятное разнообразие форм.

Хищничество казалось бы чисто разрушительным, но оказалось двигателем усложнения. Жертва с лучшим зрением или защитой получала преимущество, и хищнику приходилось совершенствоваться в ответ. Так началась гонка вооружений без финиша: никто не выигрывает навсегда, можно лишь временно вырваться вперёд, пока другой не сократит разрыв. Это тот же узор цикличности, только на уровне отношений между видами.

Эволюция нередко изобретает одно и то же независимо. Глаз возникал много раз: у осьминога и человека, у мухи и орла, каждый раз по-своему. Крылья изобретались трижды и тремя способами. Если решение находят снова и снова разными путями, оно не совсем случайно, его навязывают условия задачи. Возможно, так же устроен и цикл роста и краха: сложные системы тянутся к нему независимо друг от друга. Заодно органы чувств показывают, что эволюция не стремится к совершенству. Жившие в темноте существа утрачивали зрение и вкладывались в чувствительность к вибрации и электрическим полям. Одни животные видят ультрафиолет, другие почти монохромный мир, и ни один вариант не «правильнее». Это стоит помнить, когда мы дойдём до разумных видов: то, что кажется им устройством реальности,

может быть особенностью их органов чувств.

Росла и нервная система. Сначала рефлекс: стимул вызывает неизменную реакцию. Потом между стимулом и реакцией появился зазор, в котором организм может задержать-ся, сопоставить с прошлым опытом и выбрать. Первые многоклеточные имели лишь рассеянную сеть нервных клеток. Затем она сконцентрировалась на переднем конце тела, и возник прообраз головы. Дальше шли те же слепые пробы и отбор, пока не родился орган, способный размышлять о собственном происхождении. Разум — это постепенно расширяющийся зазор между тем, что случилось, и тем, что с этим делать.

Выход на сушу совершили, по-видимому, вместе растения и грибы. Грибы, о которых обычно забывают, не производят пищу из света и не заглатывают её, а разлагают умершее и возвращают вещества в круговорот. Без них планета погребла бы себя под собственными мертвецами. Они же, судя по всему, помогали растениям, разрушая голый камень и создавая первые подобия почвы. За растениями на сушу потянулись членистоногие, а затем те, кто даст начало всем позвоночным, включая нас. Каждый шаг требовал решить задачи, которых в воде не было: не высохнуть, дышать воздухом, держать собственный вес. На это ушли десятки миллионов лет проб, большинство которых закончилось тупиком.

Ещё один странный участник истории — вирусы, о «живости» которых учёные спорят. Вирус умеет одно: проник-

нуть в чужую клетку и заставить её копировать себя. Но часть нашего генома попала к нам через древние вирусные заражения, и одна из таких вставок, по всей видимости, участвует в формировании плаценты. Даже паразит и жертва, если подождать достаточно долго, оказываются неразрывно вплетены друг в друга.

Старение и смерть не универсальны. Некоторые медузы способны возвращаться к ранней стадии жизненного цикла, а некоторые деревья живут тысячи лет. Старение — не закон природы, а одна из эволюционных стратегий. Отбор куда сильнее заботится о способности размножаться в молодости, чем о благополучии в старости, и старение оказывается побочным следствием.

Наследственность тоже не сводится к последовательности генов. Эпигенетика — это пометки поверх генетического текста, которые оставляет пережитый опыт: исследования показывают, что голод одного поколения может отразиться на здоровье следующего, хотя о людях многое остаётся спорным. Если так, то даже группа выживших, полностью утратившая память, могла передать детям и внукам тревожность и бдительность без единого воспоминания о причине. Тогда забвение, о котором говорилось в третьей главе, было не таким полным даже на телесном уровне.

Теперь о главном узоре. Если смотреть на историю жизни не как на лестницу, а как на серию волн, видно: взрыв разнообразия, потом массовое вымирание. Расцвет, потом обну-

ление. Пять раз жизнь подходила к пику сложности, и пять раз что-то обнуляло счётчик, оставляя лишь горстку видов, которым предстояло начинать почти с нуля:

— около 440 млн лет назад — внезапное оледенение, падение уровня океана, катастрофическое сокращение среды морской жизни;

— около 370 млн лет назад — несколько волн вымирания, причины которых до конца не выяснены: астероид, вулканы, похолодание океана;

— около 250 млн лет назад — сибирские вулканы, самое масштабное из пяти (о нём ниже);

— около 200 млн лет назад — снова вулканы при расколе суперконтинента, который освободил дорогу динозаврам;

— 66 млн лет назад — астероид, конец динозавров.

Это похоже на метроном, отбивающий один ритм: рост, разнообразие, катастрофа, обнуление. Никто из переживших эти события их не выбирал и не мог предвидеть. Выживание было не превосходством, а удачей: оказаться достаточно маленьким, неприхотливым или случайно защищённым от конкретного бедствия. Динозавры правили планетой около ста пятидесяти миллионов лет, примерно в пятьсот раз дольше, чем существует наш вид, и всё же их царство закон-

чилось в один геологический миг.

Сибирский случай лучше всего показывает механику круга. Крупнейшее вымирание случилось не из-за удара извне, а из-за перегрева изнутри. Вулканы на территории нынешней Сибири извергались сотни тысяч лет и выбросили столько парниковых газов, что погибло около девяноста процентов морских видов. Планету никто не атаковал: она задохнулась в собственных испарениях. На восстановление ушли миллионы лет. Этот эпизод ещё аукнется в книге, только с другим действующим лицом в роли вулкана.

Пример снаружи — последнее из вымираний. Астероид размером с крупный город врезался в полуостров Юкатан. Удар сопровождался тепловым импульсом, от которого, по оценкам, горели леса на огромных территориях, но динозавров погубил не он, а то, что было потом: пыль и сажа на годы закрыли солнце, растения перестали расти, начались десятилетия голода. Итог тот же: массовая гибель, долгое восстановление, начало заново. Круг замыкается не только изнутри. Иногда достаточно удара извне, и книга ещё вернётся к вопросу, что погубит цивилизацию: она сама или что-то, пришедшее со стороны.

Задолго до появления разума планета отработала главный сюжет книги на черновике: рост, расцвет, крах, начать заново. Когда самый амбициозный вид тоже начал расти и расцветать, жизнь не придумала ничего нового, она повторила приём, который отработывала три с половиной миллиар-

да лет.

После динозавров освободившиеся места заполнили те, кто жил в их тени: мелкие неприметные зверьки, похожие на землероек. Это были млекопитающие, от которых через десятки миллионов лет ветвления пойдёт линия приматов и к нам. Но ни один участник цепочки не двигался к цели. Зверёк, переживший астероид благодаря норе, не «стремился» стать предком человека. Осознание собственной истории, способность оглянуться и увидеть в случайных выживаниях путь, появится только у последнего звена. Это окажется одновременно самым удивительным приобретением жизни и источником стойкой иллюзии: раз он видит путь, то путь вёл именно к нему.

Есть и вторая иллюзия, связанная со словом «случайность». Мутация случайна, отбор нет. Поколение за поколением он методично отбраковывает то, что работает хуже, и сохраняет то, что работает лучше, и слепой перебор начинает выглядеть как замысел. Глядя на результат миллиарда лет отбора, легко принять его за спущенный сверху проект, хотя на деле это лишь то, что осталось после того, как время вычеркнуло всё остальное. Цивилизации точно так же склонны принимать результат стечения обстоятельств за разумный план.

Запомним обе мысли. Они понадобятся, когда на сцене появится вид, уверенный, что уж он-то точно исключение.

Глава 3. Падение

Представьте объект, входящий в атмосферу. Слой за слоем он прорывает воздух, раскаляется, теряет управление и распадается ещё в полёте. Потом удар. Те, кто был внутри, выжили не все, а уцелевшие потеряли память. Они не помнили, кто они и откуда. Им пришлось заново учиться общаться друг с другом и придумывать, как выжить на чужой для них планете.

Так выглядит наша версия. Официальная звучит иначе. Несколько миллионов лет назад одна из линий приматов начала ходить на двух ногах, увеличила мозг, освоила орудия и огонь. А около семидесяти тысяч лет назад пережила то, что антропологи называют «когнитивной революцией»: резкий скачок в способности к абстрактному мышлению, языку и вымыслу. Слово «необъяснимый» здесь ключевое. Наука честно признаёт, что причина скачка неизвестна: мозг не увеличился соразмерно, а мутацию, которую можно было бы назвать причиной, не нашли.

Эта книга предлагает одну из догадок, только не постепенную, а мгновенную. Что, если когнитивная революция не итог накопительного процесса, а последствие внешнего события? Что, если группа существ, уже обладавших разумом, языком и памятью о прошлом, оказалась здесь не после миллионов лет эволюции, а в результате одной катастрофы?

Мы не знаем, что ей предшествовало. Рассчитанный манёвр, отказавший в последнюю секунду? Отчаянная попытка после того, как что-то пошло не так гораздо раньше? Была ли планета целью или случайностью, укрытием или ловушкой, книга не берётся утверждать. Известно лишь то, что можно восстановить по итогу: планета получила гостей, которых не звала, а гости получили дом, которого не выбирали.

Представим крушение глазами участников, если бы у них было время что-то пережить. Удар. Огонь. Металл, которого планета ещё не знает, плавится и уходит в породу, и через десятки тысяч лет геологи спишут его на метеорит. Выжили немногие, и у большинства из них пострадала память. Она на удивление хрупка: достаточно шока, кислородного голодания или травмы, чтобы стереть не отдельные воспоминания, а саму способность помнить. Уцелевшие не разучились мыслить. Они разучились помнить, откуда они.

Крушение вряд ли ограничилось одной точкой. Аппарат, разваливающийся в воздухе, рассыпает обломки на сотни, а то и тысячи километров. Значит, групп выживших было несколько, и судьбы их определили ландшафты. В лесу хватало материала для укрытий и пищи, но хищникам, для которых лес был домом, незнакомые двуногие были лёгкой добычей. На равнине укрытий почти не было, зато далеко видно, а ценой стали холод и ветер. Прибрежным группам повезло больше: рыба и моллюски давали почти неисчерпаемую пищу без многодневной охоты, и они, вероятно, пер-

выми перешли от голого выживания к устойчивому быту.

Первые часы прошли в оглушении, которое трудно назвать даже страхом: для настоящего страха нужна память о том, что есть что терять. Выжившие лежали среди обломков, не пытаясь встать, и тело экономило силы раньше, чем разум успевал что-то решить. Первые действия были рефлексами: отползти от огня, закрыть голову руками, потянуться на чужой голос, потому что звук живого существа успокаивает даже того, кто не помнит, что такое «свой».

Мир вокруг казался одновременно смутно знакомым и абсолютно чужим. Знание уничтожил тот же удар, что искалечил тела. Осталось то, что не нуждается в памяти: инстинкты добывать пищу, искать укрытие и держаться вместе. Из этих трёх инстинктов, а не из былой цивилизации, пришлось заново собирать всё, что мы называем человечеством.

Первые недели ушли на выживание тела: найти воду, отличить съедобное от ядовитого методом проб, часто смертельных, укрыться от холода. Первые месяцы ушли на то, чтобы заново открыть вещи, которые простые виды знают от рождения. Огонь можно поддерживать, а не только бояться. Крик можно использовать не только от боли, но и чтобы предупредить другого. Жест, повторённый несколько раз, начинает что-то значить. Первые годы горстка выживших превращалась в группу с простейшим распределением ролей: кто-то внимательнее к следам зверя, кто-то терпеливее с огнём. Из этой случайной специализации прорастёт разделение тру-

да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.